

феномен. Розглядається драматургічний спадок Л. Петрушевської, що характеризується незвичайною формою репрезентації, відтворення дійсності.

Ключові слова: постмодернізм, поетика, мова, поліфонічність, стиль.

Воробкало М. О. Поэтика театра Л. Петрушевской в современной критике

Научное исследование посвящено поэтике театра Л. Петрушевской и ее оценке современной критикой. Дается анализ языка как основного способа создания драматургического мира писательницы; отмечается жанровое своеобразие произведений автора, понимаемое исследователями как сложный жанровый феномен. Рассматривается драматургическое наследие Л. Петрушевской, характеризующееся необычной художественной формой подачи, воссоздания действительности.

Ключевые слова: постмодернизм, поэтика, язык, полифоничность, стиль.

Vorobkalo M. O. Poetics of Petrushevskaya's Theatre in Modern Critics

Scientific research is sanctified to the poetics of theatre of L. Petrushevskaya's and her estimation by modern criticism. The analysis of language is given as a basic method of creation of the dramaturgic world of authoress; the genre originality of works of author, understood by researchers as the difficult genre phenomenon, is marked. The dramaturgic heritage of Petrushevskaya, characterized by the unusual artistic form of serve, recreation of reality, is examined.

Key words: post-modernism, poetics, language, polyphony, style.

Стаття надійшла до редакції 12.02.2013 р.

Прийнято до друку 28.02.2013 р.

Рецензент – д. філол. н., проф. Дмитренко В. І.

УДК 821.161.1– 2.09'06

Е. А. Евдокименко

**СИНТЕЗ КОМИЧЕСКОГО И ТРАГИЧЕСКОГО
В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ДРАМАТУРГИИ
О ДЕТЯХ И ПОДРОСТКАХ**

В литературоведении все чаще высказывается мнение о том, что каждая отдельная пьеса относится к своему индивидуальному жанру. Таким образом, традиционная жанровая классификация перестает быть

актуальною для сучасної драматургії. Разом з звичним позначенням написаного твору словом «п'єса», «драма», можна зустріти: «текст», «проект», «композиція» і багато придуманих самими авторами жанрових визначень, таких як «вповне можливо комедія», «смульна комедія», «трагічна хроніка», «роман для театру», «сні і фантазії в чотирьох картинах».

Більша частина п'єс кінця 20 – початку 21 століть якщо і не належить до жанру трагікомедії, то містить і комічні, і трагічні елементи майже в рівних співвідношеннях. Ніколаєва Л. В. зауважує, що «трагікомічне світовідчуття виникає і стає домінуючим в нестабільні, кризові епохи, епохи соціальних зсувів і переломів. Воно завжди пов'язано з відчуттям катастрофічності буття» [1]. Період кінця 20 – початку 21 століття сам по собі є перехідним, к тому ж в цей час в державному устрої колишнього Радянського Союзу відбуваються значущі зміни, які застали людей врасплох. Життя стало змінюватися, що привело до кризи в різних сферах людської діяльності і наступної невизначеності. Цю ситуацію відбили драматурги в своїх творах, об'єднуючи прийоми комічного і трагічного в межах однієї п'єси.

Сучасна драматургія розповідає про події, що відбуваються в суспільстві на даному етапі, про справжні цінності і орієнтири людини. Моральний потенціал її високий. В умовах суворого випробування і життєвих складнощів люди повинні пам'ятати про сміх, який виступає засобом підтримки в важку хвилину і є життєутворюючим для людини.

Наше завдання – проаналізувати, як сучасні драматурги поєднують в своїх творах комічне і трагічне, а також розглянути причини, по яких ця тенденція має таке широке поширення.

Синтез комічного і трагічного в сучасній російській драматургії можна прослідкувати на прикладі багатьох п'єс, створених різними методами. Для ілюстрації нами були обрані реалістичні твори Ксенії Драгунської «Рижа п'єса» і братів Преснякових «Сет-2», а також казочна п'єса Никити Воронова «Лелька». Об'єднують ці твори їх дитяча тематика. Особливий інтерес викликають способи реалізації комічного і трагічного в п'єсах, де конфлікт розгортається навколо дітей і підлітків.

Герой «Сет-2» підліток 15 років ворує у своєї теті 200 тисяч рублів і витратить майже всю суму за 2 дні. Трагізм історії в тому, що Диме не потрібні ці гроші і він віддає їх тим, хто, на його думку, в них найбільше потребує. З його боку це «елементарна месть дорослим, в основному, за невважливість і жадність... К тому ж батьки явно не дають йому можливості бути добрим до того, з ким він вступає в взаємовідносини» [2, с. 72].

Диалоги и монологи ведутся в легкой, порой ироничной манере вопреки серьезности дела. Комическое представление трагической ситуации встречается достаточно часто в трагикомедиях. Братья Пресняковы в своей пьесе часто и успешно обращаются к этому приему, чем вызывают очень противоречивые чувства у читателей. Они умело совмещают комические и трагические происшествия, в результате чего не формируется однозначно плохое или хорошее отношение к персонажам.

Пьеса начинается и заканчивается монологом милиционера. О трагических историях, о своей работе он рассказывает легко, без лишних эмоций, как о норме жизни: «Позавчера вон, коллега мой, так сказать, от передозы героина скончался, прямо в кабинете своем, там, из сейфа с вещдоками с ребятами они взяли попробовать, и вот так вот...хорошим опером был...» [2, с. 69].

А вся история с 15-летним Димой – всего лишь рассказ, которым он сможет развлечь друзей: «Нет, вот то, что это конечно же оригинальный случай, – это да! Он главное что запоминается, можно рассказать его друзьям, в гостях...» [2, с. 75]. И самое удивительное для милиционера – не боль и протест ребенка, а скорость, с которой он избавился от денег: «...как он умудрился за раз в нашем городе такую большую сумму потратить... А еще говорят, что у нас молодежь тупая...» [2, с. 71]. В этих словах и описываемой ситуации прослеживается моральный и социальный кризис, который становится нормой современной жизни.

Удивляет несоответствие внешнего выражения мыслей самой тети с их внутренним содержанием: «Квартиру свою родители Димы продали... я его простила... его вины – нет!...» [2, с. 73]. По ее словам она не испытывает отрицательных эмоций по отношению к подростку. Однако тот факт, что родителям мальчика пришлось продать квартиру, чтобы вернуть потраченные деньги, указывает на отсутствие у тети родственных чувств, в силу которых она могла бы забыть о случившемся. В таких несоответствиях раскрываются характеры многих персонажей пьесы.

Мастерство и профессионализм еще одного персонажа нарабатываются в деле, не вызывающем уважения: «И она берет, значит, у меня шапку, меряет, она ей сразу как раз оказывается... Я, кстати, это сразу знал, что ее размер... Я эту шапку с такого же размера снял, во-о-о-т!» [2, с. 71]. Шапочный вор переполнен чувством гордости за свои навыки в криминальном деле. Искаженность представлений о профессионализме, о нормах жизни порождает среда современного человека. Отсутствие рабочих мест в небольших городах привело к тому, что некоторые люди увидели единственный способ заработка в воровстве.

Один из персонажей пьесы подытожил случившееся, иронично изобразив печальную картину будущего нашего героя: «Можно сказать,

что приключение длиною в двести тысяч рублей и ценой в два дня... Самая настоящая одиссея... А итог – четыре года! Это, вот то, что одиссея, – она как бы ведь не кончается, да?.. Ну вот и у него, мне кажется, что эти четыре года, – только начало... Все самое хорошее еще впереди... Трудный подросток!» [2, с. 70]. Поскольку подросток трудный, становится очевидным, что «самое хорошее», которое еще впереди, – это парадокс, и автор говорит о трагичном жизненном пути героя, пути преступлений, где похищение денег у родственников – первый шаг.

Для всех персонажей, олицетворяющих разные слои небольшого городка, история Димы, двухсот тысяч рублей и двух дней – только забавный случай, который можно немного обсудить и забыть. И никто не задумывается о причинах, побудивших подростка к этому, о его дальнейшей судьбе, о том, как можно ему помочь. Следует обратить внимание на язык и пунктуацию, использованные авторами. Частое употребление многоточия указывает на эмоциональный накал и интеллектуальное напряжение, на подтекстное содержание. Многоточие в репликах героев раскрывает их настоящее отношение к ситуации и людям. Это один из способов реализации авторской иронии. Непринужденность речи персонажей при обсуждении печальной истории, которая произошла с подростком, также говорит об иронии и сатире.

Ксения Драгунская – рыжий автор, и ее произведение так и называется «Рыжая пьеса». Рыжий цвет выступает символом хорошего настроения, положительных эмоций, радости. Но и в такой солнечной и доброй пьесе затрагивается тема одиночества, разобщенности семьи, тема безработицы и смерти.

В семье подростка Егора каждый увлечен своими интересами и озабочен только своими обидами. Даже открыто высказанный упрек остается не услышанным:

П а п а. Да не пиши ты ему! Всё равно не ответит. Гуру, дел полно, не хвост собачий. Напиши лучше мне. Уж я-то отвечу...

Е г о р. Пап, ну ладно, ну не надо, пап...

П а п а. Дорогая Катя! Я живу хорошо. Работаю по шестнадцать часов в сутки! А дома есть нечего! В ванной бельё скисло! У парня в школе чёрт знает что... С комсомольским приветом, твой муж Егор Владимирович [3].

Соединяя несочетаемое, автор передает эмоциональность высказываний персонажа, его грусть от недостатка внимания и любви со стороны супруги. Этого не замечает адресат, но печаль от невозможности изменить ситуацию понятна даже их сыну-подростку. Интересно, что в обращении папы к жене каждая фраза, наполненная недовольством, завершается восклицательным знаком. Предложение о хорошей жизни, в свою очередь, заканчивается просто точкой. Таким образом, читатель чувствует эмоциональный накал и выделяет в речи

персонажа аспекты, наиболее эмоциональные и соответственно наиболее важные для него.

Приверженность мамы к вегетарианству оставляет папу все время голодным и саркастичным по отношению к навязанному новому образу жизни:

М а м а. Егорушка, съешь яблоко. Зелёное яблоко на ночь очень полезно. Кровь разжижается.

П а п а. А если красное и с утра, то мозги.

М а м а. Что — мозги?

П а п а. Разжижаются [3].

В пьесе также показана и другая семья, где из сложной ситуации безработицы люди, стараясь помочь друг другу, с юмором находят выход. И даже не один. Однако попытка решения одной проблемы становится причиной возникновения другой:

К р а с и в ы й. Ты как в ментура-то угодила с утра пораньше?

Х а л и. Батя без работы у меня, дорожный отряд расформировали, а куда ему деваться со своим экскаватором? Он у меня только копать и умеет. Говорю ему, ты, батя, петь бы, что ли, выучился или плясать...

Е г о р. Ну а ментура-то что?

Х а л и. Я думаю, надо типа объяву дать про такое дело, может, надо кому. Утром рванула на Восточный тракт и из баллончика по всем рекламным щитам стала писать: «Экскаватор, телефон такой-то». Гаишники прицепились и в отделение свезли.

К р а с и в ы й. Лучше бы сирени на продажу наломала... И то подспорье семье...

П о т о м о к. А то ещё можно лягушек наловить и около офисов, где французы работают, продавать. Чирик банка [3].

Перечисляя такие, казалось бы, абсурдные способы заработка, Ксения Драгунская описывает тяжелую ситуацию в стране, когда уровень безработицы сильно вырос и многие оказались на дне жизни, не сумев приспособиться к новым обстоятельствам или найти достойный выход из сложившегося положения.

В «Рыжей пьесе» Ксении Драгунской девочка Соня выделяется из общей массы. Своей добротой и любовью ко всему окружающему она раздражает озлобленных и страдающих людей, которые не понимают ее. Но и эту девочку затронули общечеловеческие пороки, которые проявляются в полной мере после того, как она сталкивается с непониманием и агрессией.

Рыжая, солнечная, добрая девочка Соня беспокоится о деревьях и природе в целом, относится к ней как к живому. Но людей она как будто не относит к «живому»:

С о н я. А дерево-то тут при чём? Думаете, ему очень приятно, когда на нём мертвец болтается? Лучше уж под дождём постоит, он вредный, от него тоже умереть можно [3].

Девочку беспокоит не смерть человека, а то, что это может быть неприятно дереву. Такое отношение еще ребенка к миру, к социуму ужасает. Комичность ситуации заключается в том, что, помешав смерти человека на дереве, девочка тут же предлагает более безвредный для природы вариант самоубийства.

У пьесы счастливое завершение, и рыжая девочка Соня, в конце концов, находит своего спасителя, который всеми силами старается вернуть ей веру в людей, в их отзывчивость. После всего, что с ней произошло, Соня воспринимает доброту как отрицательное качество в человеке и старается уберечь своего спасителя от окружающих, которые могут им воспользоваться:

С о н я. Послушай... Дай-ка я подрисую тебе брови. Чтобы не было сразу заметно, что ты добрый [3].

На первый взгляд такое отношение может показаться шуткой, но будучи наказанной за свою доброту и доверие к людям, Соня искренне верит, что быть добрым в современном мире уже невозможно.

В пьесе Никиты Воронова «Лелька» сказка вплетается в реальную жизнь. Сказочные персонажи Леший и Баба Яга переворачивают устоявшуюся жизнь семьи, выполняя указания их новой хозяйки девочки Лели, и помогают всем героям увидеть свои недостатки и слабые стороны.

Родные относятся к девочке как к взрослому человеку, стараются передать ей все свои научные знания:

Леля (Дедушке). Она что, на меня дуется?

Дедушка. Она не дуется, она оскорблена.

Леля. Бабуленька, не надо. Ты же знаешь, я дура – с меня взятки гладки [4, с. 106].

Последняя фраза Лели может показаться просто шуткой, но повторение подобных высказываний говорит о том, что девочке привычны такие слова и такое отношение со стороны бабушки и дедушки. Леля ощущает равнодушное отношение взрослых к себе, и в одной только фразе она показывает родным их безразличие и свой протест против этого:

Леля. Бабуля!.. Дедуля!.. Будем завтракать или ну меня на фиг?! [4, с. 113]

Широкое использование восклицательных знаков подчеркивает эмоциональность реплик Лели.

Девочка растет озлобленной, не умеющей сочувствовать, помогать другим людям. Даже сказочные персонажи Леший и Баба Яга, являясь не самыми добрыми героями сказок, удивляются такому поведению ребенка. Для всех окружающих Леля становится худшим злом:

Леший (говоря о Леле). И бомбы-то они боялись... и столкновения с кометой... от инфекций бегали... а про вас-то и не подумали... [4, с. 117].

Удивляют своей точностью рассуждения о человечестве Лелиного друга Вовки:

Вовка. Это вы про науку много знаете, а про людей... извиняйте, конечно... Да люди вообще... мрачная загадка. Верно?

Леший. Это не просто верно. Это катастрофически верно [4, с. 115].

Вовка и Леший убеждены, что люди – мрачная загадка, т.е. хорошего в них остается все меньше и меньше. И это осознание их совершенно не радует.

Пьеса Воронова – сказка, которая просто обязана иметь хороший финал по законам жанра.

Как и в двух рассмотренных выше пьесах, в сказке «Лелька» главным приемом комического выступает речь. Именно благодаря смешению стилей речи, окказионализмам, парадоксам достигается комический эффект. Ирония и сарказм становятся своеобразным средством защиты от горестей жизни, от всего неприглядного в ней. За комической речью спрятаны ситуации, которые являются драматическими, а иногда и трагическими. «Драматург видит и отражает одни и те же явления одновременно в комическом и трагическом освещении, причем комическое и трагическое не умаляют, а усиливают друг друга» [5, с. 442]. Драматизм и эмоциональный накал произведений и отдельных реплик выражен не только в лексическом составе речи героев, но и в пунктуации – восклицательных знаках и многоточиях.

Трагикомическое мироощущение начинает доминировать и отливаются в определенные формы трагикомедии в первую очередь под влиянием кризиса идеологии, вызванного кризисом социальным. Идеологические сотрясения и сдвиги, социальное беспокойство, противоречивые идейные течения, словом, все те явления, которые характеризуют духовную атмосферу переломных моментов в истории общества, – вот благодатная почва для возникновения и творческого развития трагикомедии [6, с. 113].

Синтез трагического и комического в современных пьесах о детях и подростках трансформируется в сатирическое разоблачение отрицательных черт героев и современного общества в целом – равнодушия, озлобленности, мелочности, потребительского отношения к жизни. Для персонажей «Рыжей пьесы» Папы, Егора и Сони, как и для Лельки из одноименного произведения, юмор становится средством самозащиты от жизненных неурядиц, при помощи которого они пытаются рассказать окружающим о своих чувствах и боли. Данная тема имеет перспективы дальнейшего развития.

Список использованной литературы

1. Николаева Л. В. Ранняя драматургия М. Горького в историко-функциональном изучении: проблема интерпретации жанра пьес «Мещане», «На дне», «Дачники» [Электронный ресурс]. – Режим

доступа: <http://dno2000.narod.ru/gl6.html>. **2. Пресняков В.** Сет-2 / В. Пресняков, О. Пресняков // Современная драматургия. – 2002. – №2. – С. 69 – 75. **3. Драгунская К.** Рыжая пьеса [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.epampa.narod.ru/dragunskaya/rizhaya1.html>. **4. Воронов Н.** Лелька / Н. Воронов // Современная драматургия. – 2006. – №4. – С. 103 – 124. **5. Литературный** энциклопедический словарь / Под общ. ред. В. М. Кожевникова, П. А. Николаева. – М.: Сов. Энциклопедия, 1987. – С. 752. **6. Рацкий И. А.** Проблема трагикомедии и последние пьесы Шекспира / И. А. Рацкий // Театр. – 1971. – №2. – С. 113.

Євдокименко О. О. Синтез комічного та трагічного у сучасній російській драматургії про дітей та підлітків

Автор статті розглядає засоби об'єднання прийомів комічного та трагічного у російських п'єсах про дітей та підлітків, які було написано у кінці 20 – початку 21 століть. Проаналізовано твори братів Преснякових О. та В., К. Драгунської та В. Леванова, в яких особлива увага приділяється викриттю та висміюванню байдужості людей, озлобленості, та дріб'язковості суспільства, в якому росте сучасне молоде покоління.

Ключові слова: драма, жанр, комічне, трагічне, іронія, дитинство.

Євдокименко Е. А. Синтез комического и трагического в современной русской драматургии о детях и подростках

Автор статьи рассматривает способы объединения приемов комического и трагического в русских пьесах о детях и подростках, написанных в конце 20 – начале 21 веков. Проанализированы произведения братьев Пресняковых О. и В., К. Драгунской и Н. Воронова, в которых особое внимание уделяется разоблачению и высмеиванию равнодушия, озлобленности, мелочности общества, в котором растет молодое поколение.

Ключевые слова: драма, жанр, комическое, трагическое, ирония, детство.

Yevdokymenko O. O. The Synthesis of Comic and Tragic Forms in Modern Russian Drama about Children and Youth

The author of the article investigates the means of combining comic and tragic devices in Russian plays about children and youth which were created at the end of the 20th century and the beginning of the 21st century. The analysis of the works of Presniakov O. and Presniakov V., K. Dragunskaja and V. Levanov in which special attention is given to exposure and derision of indifference, exacerbation, and pettiness of the society where the young generation grows is carried out.

Key words: drama, genre, comic, tragic, irony, childhood.

Стаття надійшла до редакції 21.01.2013 р.

Прийнято до друку 28.02.2013 р.

Рецензент – к. філол. н., доц. Хабарова І. В.

УДК 821.161.1-3

С. А. Комаров

**НЭП В ИЗОБРАЖЕНИИ М. А. БУЛГАКОВА
(на материале фельетонов в «Накануне»)**

Жанровое и историко-типологическое положение фельетона в литературе особенное: он соединяет в себе черты публицистики и элементы художественности, своеобразную школу фельетона прошли многие классики русской литературы XIX и XX веков. Среди них: А. А. Герцен, Ф. М. Достоевский, Н. А. Некрасов, И. С. Тургенев, М. Е. Салтыков-Щедрин, А. П. Чехов, А. Т. Аверченко, М. М. Зощенко, В. П. Катаев, И. А. Ильф, Е. П. Петров, М. А. Булгаков. Как правило, фельетон связывают с сатирико-юмористической литературой, многие категории которой до сих пор остаются до конца не проясненными. Тем актуальнее данное обращение к одной из граней фельетонного наследия выдающегося романиста и драматурга.

В критической литературе высказываются различные мнения о роли и месте фельетонов М. А. Булгакова в общем корпусе его работ. Одни исследователи считают их достойным вкладом в развитие советского фельетона и сатирической литературы 1920-х годов, указывают на их непосредственное влияние на «большую» прозу писателя [4; 5]. Другие – категорически отрицают данные факторы. В частности, М. О. Чудакова так отзывается о булгаковских фельетонах: в них – «не лаборатория его больших вещей, не предуготовление к большим замыслам, а скорее, наоборот, «отходы» от них, легкая эксплуатация уже найденного, уже с законченностью воплощенного в его повестях и в романе» [7, с. 178]. Или суждение В. И. Немцева: «Освоенный им (Булгаковым) в начале 20-х гг. жанр – скажем, фельетон – как чистая сатира ...произведение невысокого эстетического звучания» [2, с. 64]. Согласимся с мыслью Л. Е. Кройчика о том, что не стоит преувеличивать значения творчества Булгакова-фельетониста, хотя и необходимо признать, что оно способствовало «той аккумуляции жизненных впечатлений, которые дали впоследствии и сатирические повести, и романы, и пьесы» [5, с. 112]. Склонность писателя к сатирическому отражению действительности, равно как и особенности индивидуально-авторского стиля, впервые ярко заявили о себе в его фельетонах, поэтому эта часть булгаковского наследия действительно важна и заслуживает на всестороннее изучение. Целью предлагаемой статьи является исследование особенностей изображения НЭПа в